



Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

**Н. Б. ГРАМАТЧИКОВА
Т. И. ХОРУЖЕНКО**

ПОСТФОЛЬКЛОР И ИНТЕРНЕТЛОР

Учебно-методическое пособие



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Н. Б. Граматчикова, Т. И. Хоруженко

ПОСТФОЛЬКЛОР И ИНТЕРНЕТЛОР

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методическим советом УрФУ
для студентов, обучающихся по программе магистратуры
по направлению подготовки 45.04.01 «Филология»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

ББК Ш23(2)я7
Г76

Рецензенты:

Е. К. Созина, доктор филологических наук, профессор,
заведующий сектором истории литературы
(Институт истории и археологии УрО РАН);

Н. А. Власкина, кандидат филологических наук
(Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН)

Грамагчикова, Н. Б.

Г76 Постфольклор и интернетлор : учеб.-метод. пособие /
Н. Б. Грамагчикова, Т. И. Хоруженко ; М-во образования
и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 62 с.

ISBN 978-5-7996-2180-3

В учебно-методическом пособии рассмотрены подходы к изучению современного фольклора. Определены основные понятия курса, даны методические рекомендации к семинарским занятиям, приведены обширные библиографические списки, разработаны указания по самостоятельному изучению источников.

Для студентов и магистрантов филологического факультета и факультета журналистики, а также для всех интересующихся процессами, происходящими сегодня в медиасреде и городском пространстве культуры.

ББК Ш23(2)я7

На обложке:
рисунок А. С. Тимофеевой

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
1. Проблема субъекта постфольклора и интернетлора.....	11
2. Трансформация обрядовой сферы.....	19
<i>Современный свадебный обряд. Занятие-коллоквиум</i>	19
3. Образ национального лидера в постфольклоре и интернетлоре.....	24
<i>Образ Сталина в интернете. Практическое занятие</i>	26
4. Гендерный аспект постфольклора. «Женское» в современной культуре (стереотипы, практики и др.).....	33
5. Этностереотипы: кросскультурные контакты, анекдоты.	39
6. Малые жанры постфольклора.....	45
7. Эпическое в современной культуре.	53
<i>Память о Великой Отечественной войне: функции эпоса сегодня.</i> <i>Занятие-коллоквиум.</i>	53
8. Конструирование локальной идентичности в социальных сетях	57
Перечень контрольных вопросов	61
Список рекомендуемой литературы.....	63

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во все времена фольклор чутко и быстро реагировал на социальные изменения. Изучение фольклора позволяет не только восстановить картину мира его носителя, но и проследить ее изменение. Суждения об «умирающем» фольклоре уступают место видению процессов трансформации традиционных практик в наши дни.

Ц е л ь дисциплины: сформировать у студентов представление о постфольклоре и интернетлоре как среде, имеющей много сходных черт с коммуникацией в среде устной культуры; показать разнообразие сетевых форм взаимодействия как коммуникативных систем постфольклорного характера.

З а д а ч и изучения дисциплины формулируются на основе изложения требований к формированию компетенций согласно соответствующим знаниям, умениям, навыкам в соответствии с требованиями ФГОС ВПО:

- 1) дать представление о повседневности и интернет-среде как новом пространстве фольклора;
- 2) описать современные сообщества (сетевые, субкультурные и т. д.), их способы самопрезентации и особенности творчества;
- 3) проанализировать проблему субъекта в сетевом фольклоре и постфольклоре, а также особенности ролевого поведения в сети;
- 4) способствовать повышению уровня осознанного самоопределения и самореализации студентов в пространстве современной культуры.

Курс может быть завершающим в ходе изучения классического фольклора и мифологии либо сопровождающим преподавание

современной литературы и современных коммуникационных систем. На занятиях актуализируются представления о системе жанров в классическом фольклоре и ее изменениях в постфольклоре. Фольклор рассматривается как универсальная система сохранения культуры, внутрикультурной и кросс-культурной коммуникации и трансляции коммуникативных практик; многие фольклорные по сути явления получили специфическую трансформацию в современной медиасреде (СМИ, интернет и др.). Особое внимание уделяется прикладным аспектам анализа повседневных и сетевых коммуникаций в разных аспектах: от анализа новостных слухов до формирования идентичности средствами интернет-фольклора.

Основные формы занятий в преподавании курса — лекции и семинары. Каждой теме соответствует набор базовых понятий и терминов, обогащающих научный аппарат студентов.

По итогам изучения дисциплины студенты должны знать: основные этапы развития системы русскоязычного фольклора и его жанров; своеобразие нового этапа развития фольклорных жанров в современном индустриальном обществе (фольклор субкультур, сетевой фольклор и др.); специфику интернет-среды как среды коммуникации (анонимность, коллективность и др.); основы терминологии, описывающей явления сетевого фольклора. В ходе занятий студенты приобретают навыки анализа и интерпретации некоторых практик повседневности, а также интернет-контента.

Для закрепления материала студентам рекомендовано выполнение заданий, представленных в тексте данного методического пособия. Задания ориентированы на анализ контента и функционирования социальных сетей, что способствует большей осознанности в отношении саморепрезентации в пространстве современной культуры в широком смысле.

ВВЕДЕНИЕ

Термин *постфольклор* был введен в научный оборот профессором С. Ю. Неклюдовым в статье «После фольклора» (1995) для обозначения того, что современный фольклор существует, но утрачивает часть признаков, определявших стадияльно предшествующий ему фольклор патриархального крестьянства и архаических бесписьменных обществ¹.

Постфольклор как объект изучения относится к так называемой «третьей культуре», дистанцированной и от культуры элитарной, и от патриархальной сельской. «Третья культура» включает гетерогенные и гетероморфные элементы: и массовую культуру как таковую, производимую профессионалами «для сбыта», и низовой фольклор, создаваемый самими носителями «для потребления»; к этой сфере может быть отнесена и «наивная» («народная») литература. Постфольклор, подобно массовой культуре, полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы. Постфольклор, в отличие от «классического» (крестьянского, рабочего), как правило, идеологически маргинален, поскольку фундаментальные идеологические потребности горожан удовлетворяются другими способами, к устным традициям прямого отношения не имеющими, — с помощью СМИ, кинематографа и, реже, популярной литературы.

¹ Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Появление постфольклора почти совпало с изобретением звукозаписи², что стало предпосылкой для возникновения совершенно новой коммуникационной среды. Способность граммофонной (впоследствии — магнитофонной) записи тиражировать и распространять не только текст песни, но и ее исполнение сильнейшим образом повлияла на фольклорную песню, а кино и телевидение обогатили устную традицию своими темами и мотивами, устойчивыми речевыми формулами и т. д. Поэтому появление постфольклора уместно связывать не только с социально-экономическими переменами в индустриальном и постиндустриальном обществе, но и с технологической революцией в области средств коммуникации.

Постфольклором называют, прежде всего, фольклор современного *города* — песни, анекдоты, городские легенды, слухи, молву и т. п., языковые клише, жаргонные выражения, сюжеты и образы урбанистической мифологии, отражающие грезы и фобии городского человека. Подобные традиции обладают всеми основными качествами «фольклорности»: они передаются преимущественно устным способом, анонимны, не имеют твердо установленной формы (т. е. варьируются). Кроме устных словесных текстов, к постфольклору относятся обычаи и обряды (в том числе «посвященные» / инициационные), практикуемые в профессиональных и субкультурных сообществах, а также фольклорные артефакты (рукописные альбомы, настенные граффити, татуировки и др.). Если традиционный фольклор всегда связан с определенной территорией и определенной локальной культурой, то постфольклор, напротив, не диалектен, а «социолектен». Активное бытование фольклорных форм в письменном виде и в сетевом является наиболее сильным отличием ситуации «пост-» от традиционной.

Фольклор как таковой в силу своих базовых особенностей «озабочен» не столько «творением», сколько воспроизведением и повторением, и ориентирован на канон, норму, традицию.

² Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 5–24.

Повышенная стереотипность характеризует все уровни фольклорной «речи», поэтому фольклорная форма в широком смысле оказывается в одном ряду с другими наработанными социальными формами (орудиями труда, способами строить жилище, шить одежду и др.), сохраняемыми социумом как знание о способах коммуникации в культуре, позволяющее быть понятым членами сообщества и экономить усилия в актах коммуникации с ними.

В основе бытования фольклора лежат практические, прагматические цели: фольклорные формы обеспечивают коммуникацию внутри определенного типа социальных отношений, при изменении которых меняются и фольклорные формы. Фольклорная «речь» характеризуется следующими определениями: устная (по преимуществу), неофициальная, неподцензурная (вернакулярная), вариативная, коллективная, анонимная, бессознательная.

С. Б. Адоньева описывает фольклор как особый семиотический аппарат. В своих исследованиях она показывает³, что в прагматическом аспекте каждое фольклорное высказывание может быть рассмотрено:

1) в отношении к *социальной ситуации*: намерение говорящего, его базовые социальные характеристики, идеологические и ментальные установки (это пресуппозиции); декларация целей, игровые моменты; исполнение фольклорных жанров может характеризоваться как «уместное» / «неуместное», оказываясь в тесной связи с социальными нормами и коммуникативной ситуацией;

2) в соотношении между *фактом реальности* и *фактом речи* (былина — отдаленное прошлое; свадьба — одновременность; заговоры — будущее);

3) в отношении к *результатам высказывания*, к *ответной реакции слушателя*;

4) относительно используемых *языковых средств* (в широком смысле понимания «языка»).

³ Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Амфора, 2004. 312 с.

Важна количественная характеристика говорящего: один или группа. Совместное говорение имеет специфический социальный статус перформативного акта (примерами могут служить разножанровые тексты — от «Символа веры» и молитвы «Отче наш» до военной присяги и новогоднего возгласа «Елочка, гори!»). Фольклор дает возможность изучать информационный парадокс хороших исполнений, при которых «информация» известна всем участникам до коммуникативного акта, а новизна заключена в самом факте совместного говорения.

Конвенциональные формы социального поведения в социально-антропологических исследованиях первой трети XX в. получили название *габитуса*. Габитус — «приобретенная система порождающих схем». П. Бурдьё понимает габитус как продукт истории, воспроизводящий *практики*, и индивидуальные, и коллективные, обеспечивая активное присутствие прошлого опыта, который существует в каждом в форме схем восприятия, мышления и действия⁴. Здесь уместно вспомнить понимание истории⁵ Ф. Броделем, говорящим о пластах истории, где изменения происходят с различной скоростью.

Наконец, в XXI в. многие свойства фольклора воспроизводятся в форме текстов сетевых коммуникаций, образующих сферу *интернетлора*. Эти тексты обладают многими фольклорными качествами: воспроизведение в изменяемых копиях, использование определенного набора клише, во многих случаях анонимность. Таким образом, интернет по сравнению с книжной традицией актуализирует многие качества дописменной, архаической коммуникации: любой присланный текст можно дописать, переписать, сократить, развернуть и т. д. Здесь культура как бы возвращается к своей предыдущей фазе, к пластичности форм, к анонимности и т. п. Под интернетлором мы понимаем «только те

⁴ Бурдьё П. Практический смысл. СПб. : Алетея ; М. : Ин-т экспериментальной социологии, 2001. С. 106.

⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 624 с.

фольклорные формы, которые существуют и распространяются преимущественно (а иногда и исключительно) в Сети»⁶.

Проблемами современного периода фольклористики является определение сферы функционирования текста и способа фиксации постфольклорных явлений. Так, городскую песню в наше время, как и в начале XX в., можно встретить и в фольклорном исполнении, и на эстраде, в связи с чем актуален вопрос разграничения «фольклора» и «не-фольклора». С. Неклюдов приводит такой пример: «Когда Утесов записал “Топ-со-смыком”, “С одесского кичмана”, “Бублики”, — его редакции заглушили все остальные версии — а их было множество! — и стали господствующими, оказав сильнейшее влияние на всю последующую устную традицию. Такой устойчивый, фиксированный авторитетный текст — публикация или пластинка, — с которым можно свериться, уместно назвать “контролирующей инстанцией”»⁷. Фольклористы обращают внимание на сложность фиксации постфольклора: «“Постфольклор” трудно собирать. Люди, занимающиеся, скажем, анекдотами, в основном черпают свой материал из Интернета. Однако классическая фольклористика требует все записывать из устного бытования, ведь между словом письменным, в том числе и в Интернете, и произносимым — огромная разница. Записывать же тексты постфольклора сложно, иногда их просто трудно заметить, произнесение некоторых из них невозможно спровоцировать... Да и просто технические проблемы существуют»⁸.

Между тем, сформированное представление о сфере бытования постфольклорных явлений и содержании интернетлора существенно обогащает понимание магистрантами актуальных междисциплинарных исследовательских парадигм.

⁶ Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) [Электронный ресурс]. URL: mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

⁷ «Постфольклор» — современный русский городской фольклор. Интервью с С. Ю. Неклюдовым в журнале «Знание — сила» (2010. № 7) [Электронный ресурс]. URL: <http://madan.org.il/node/855> (дата обращения: 06.10.2016).

⁸ Там же.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та : Амфора, 2004. 312 с.

Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) / М. Д. Алексеевский [Электронный ресурс]. URL: mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное / Ф. Бродель. М. : Прогресс, 1986. 624 с.

Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т экспериментальной социологии, 2001. 562 с.

Неклюдов С. Ю. После фольклора / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города / С. Ю. Неклюдов // Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 5–24.

«Постфольклор» — современный русский городской фольклор. Интервью с С. Ю. Неклюдовым в журнале «Знание — сила» (2010. № 7) [Электронный ресурс]. URL: <http://madan.org.il/node/855> (дата обращения: 06.10.2016).

Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) / В. Н. Прокофьев // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени / отв. ред. В. Н. Прокофьев; ред. Г. Г. Поспелов. М. : Наука, 1983. С. 6–28.

1. ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ПОСТФОЛЬКЛОР И ИНТЕРНЕТЛОР

Если традиционный фольклор складывается в достаточно однородной социальной среде (по преимуществу крестьянской), то постфольклор изначально «фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы»⁹. В силу подобной фрагментированности говорить о едином субъекте постфольклора не приходится, однако можно выделить несколько определяющих моментов: это горожанин, обыватель, в своих повседневных практиках и суждениях являющийся носителем *мифологического мышления*. Миф не регулирует жизнь современного человека целиком и полностью в отличие от архаической культуры, однако определенные мифологические комплексы оказывают значительное влияние на восприятие, оценки и поведение наших современников. Миф доказал свою необыкновенную живучесть, неустрашимость из глубинных структур человеческого мышления и высокий адаптационный потенциал: научные понятия наполняются в повседневности мифологическим смыслом или, наоборот, нечто экзотическое получает квазинаучное объяснение (ср. различные представления об «энергетике», «биополе», НЛО и т. д.). Массовое, коллективное сознание мифологично по своей природе¹⁰.

Современная наука видит в мифах не плод фантазии или интеллектуальную схему, но акцентирует их действительную природу и ценностный характер. Мифология коренится не в сознании

⁹ Неклюдов С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре» [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

¹⁰ Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Современная российская мифология / сост. М. В. Ахметова. М. : РГГУ, 2005. С. 9–27.

человека, а в его отношении к миру, в системе ценностей, в механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах мировидения. Говоря о месте мифа в культурной традиции и о психологии мифа, мы прежде всего должны определить, что нас интересуют не сами мифы как определенные представления, верования или повествовательные тексты, но то, как мифы воплощаются в ритуальных практиках, религиозных или морально-этических системах либо повседневных регламентациях поведения. При этом исследователи акцентируют, что миф для носителя традиции и миф для постороннего наблюдателя — это две принципиально разные вещи. Отношения же мифа к традиции сложны¹¹.

Бинарные оппозиции, выделенные К. Леви-Строссом¹², актуальны и для ориентирования в реалиях современной культуры в рамках мифологического сознания: деление на «своих» и «чужих» проходит в рядах оппозиций «мужское — женское» (городское и интернет-пространство заполнены объявлениями о женских тренингах, в социальных сетях создаются группы для женщин, где быть женщиной — значит иметь предназначение и призвание¹³, и т. д.); через поле национальных¹⁴, политических, конфессиональных и профессиональных разделений. Каждая группа / сообщество репрезентирует себя в том числе и через пространство коллективного, анонимного, разделяемого всеми членами сообщества, что как раз и является предметом изучения постфольклора.

Американский антрополог и фольклорист А. Дандес подчеркивает, что любое фольклорное произведение «что-то означает — для рассказчика, для исполнителя песни, для загадывающего загадку,

¹¹ А. Топорков, например, выделяет 4 основные позиции: *Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие* [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

¹² *Леви-Стросс К. Мифологии: Сырое и приготовленное*. М. : Флюид, 2006. 399 с.

¹³ Подробнее о женских практиках см. тему 5.

¹⁴ Подробнее об этностереотипах см. тему 6.

а также для их аудитории или адресатов»¹⁵. «Соответственно, акт индивидуальной коммуникации или исполнения фольклорного произведения так же относится к общему фольклорному коду, как индивидуальный речевой акт к языку в целом»¹⁶. Таким образом, в каждый конкретный момент субъект как бы «присваивает» себе фольклорный текст, отвечающий его текущим потребностям.

С. Б. Адоньева отмечает, что фольклорное произведение неизбежно остается *актом говорения* (т. е. коммуникации), при этом субъект собственно фольклорного дискурса и говорящий могут не совпадать. Специфика фольклора состоит в том, что он обладает всей парадигмой отношений между реальным говорящим и говорящим, манифестируемым в высказывании: от идентичности (в устных меморатах) через рассказчика-посредника (в сказке) до роли-маски (в святочных играх)¹⁷. Особую актуальность утверждение С. Б. Адоньевой приобретает для интернет-фольклора или *интернетлора*.

Сетевой фольклор начинает свое активное развитие с революции мирового интернета 2000-х гг. и широкого распространения Web 2.0, позволившего любому пользователю создавать и редактировать контент интернет-ресурса. Если раньше пользователю отводилась роль молчаливого посетителя (в лучшем случае он мог оставить комментарий на форуме или в гостевой книге), то теперь пользователи получили возможность самостоятельно размещать на сайтах контент, который им интересен. Первыми примерами такого сайта стали сетевые дневники, теперь же их место прочно заняли социальные сети. Именно в социальных сетях сегодня наиболее активно и распространяется интернет-фольклор.

Между тем, не все исследователи готовы считать распространяющиеся в интернете жанры фольклором. В частности, В. А. Поздеев, Е. В. Козлов указывают на абсолютно новый способ взаимодействия

¹⁵ Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики // Фольклор: семиотика и/или психоанализ / пер. с англ.; сост. А. С. Архипова. М. : Вост. лит., 2003. С. 72.

¹⁶ Там же. С. 76.

¹⁷ Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : СПбГУ, 2004. С. 15.

автора (субъекта) и слушателя в интернете, где «автор не соприкасается со слушателем / читателем»¹⁸, их общение оказывается отложенным во времени. Авторы настаивают, что в интернете личность автора подвергается унификации. «Происходит утрата индивидуальности отдельного человека, его персонального характера, что является следствием анонимности сообщений»¹⁹. Подобная ситуация была характерна для общения в блогах и на форумах, но не соответствует положению дел в соцсетях.

Социальная сеть — пространство персонифицированное. У каждого пользователя есть свой профиль, который заполняется тем, чем пользователь готов поделиться, поэтому изучение саморепрезентаций пользователей соцсетей — актуальное направление исследований.

Посты в социальных сетях оказываются одновременно индивидуальным и социальным высказыванием. Исследователи отмечают, что в эпоху социальных сетей каждый становится «сам себе журналистом», публикуя на своей страничке, помимо личных впечатлений, наиболее значимые с его точки зрения новости, иллюстрации и комментарии.

Отчасти можно говорить, что троичность: самоидентификация — рассказчик — роль-маска, — существует и в интернетлоре. Самоидентификация — пост, опубликованный от своего имени; рассказчик — репост, т. е. трансляция некоего «чужого» текста в определенных обстоятельствах; роль-маска — собираемые персонажи или виртуальные личности, создаваемые в сети с определенной целью²⁰. При создании персонажа важна узнаваемость и некоторая типичность, но в то же время часто востребована комичность персонажа. Необходимо уточнить, что субъектом говорения в таком случае становится маска.

¹⁸ Поздеев В. А., Козлов Е. В. Психологическая идентификация автора / исполнителя в фольклорном творчестве: от архаики до фольклнета // Интернет и фольклор : сб. ст. / сост. А. В. Захаров. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. С. 264.

¹⁹ Там же. С. 265.

²⁰ См.: Дианова Т. Б. «Эффект Сидоренко»: образ виртуальной личности в сети и манипуляция массовым сознанием // Там же. С. 32–43.

Репостам (роль «рассказчика») посвящен отдельный блок исследований соцсетей. Мы предлагаем следующую классификацию репостов.

Информационные репосты — сообщения и новостные заметки, содержащие некую актуальную или полезную для пользователя и/или его друзей информацию (объявления о купле-продаже, новости и чрезвычайные происшествия, а также кулинарные рецепты и пр.).

Развлекательные репосты направлены на увеселение пользователя. В этой группе можно выделить две подгруппы. Первая представляет собой оригинальный текст (в широком смысле), привлекающий рецепиента своей нестандартностью. Вторая — банальные тексты (или мемы), привлекающие пользователей своей узнаваемостью и клишированностью.

Chain posts — информация, чаще всего содержащая в себе некий призыв, которая вирусообразно распространяется по сети. Зарубежные исследователи²¹ также предлагают выделять подгруппы *chain posts*: семья, любовь, домашнее задание и пр. Чаще всего исходный текст построен так, что в нем есть скрытая угроза или обещание будущего блага²².

Репосты, комментарии и использование мемов позволяют пользователям социальных сетей находить «своих». Анализ стереотипных комментариев в блогах приводит И. В. Ксенофонтову к выводу: «Человек просто ставит в комментарии культурный код, предъявляя рецепиентам сразу два сообщения: “я — свой” и свое закодированное отношение. Знание мемов считается в каком-то смысле необходимым для “выживания” в культурном

²¹ Voolaid P. Click ‘like’ and post it on your wall! Chain posts on facebook — identity construction and values [Electronic resource]. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol53/voolaid.pdf> (дата обращения: 06.10.2016).

²² Радченко Д. А. «Очень хочется чуда...»: бытование письма счастья в интернете // Фольклористика и культурная антропология сегодня : тез. и материалы Междунар. школы-конференции — 2012 / сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев. М. : РГГУ, 2012. С. 280–288.

пространстве»²³. Таким образом, социальные сети позволяют человеку найти «своих» в мире «чужих».

ЗАДАНИЯ

1. Приведите примеры развлекательных репостов, «писем счастья» и мемов; охарактеризуйте их и попробуйте сформулировать причины их популярности.

2. Проанализируйте собственную страницу и страницы 3–4 своих друзей и знакомых в социальных сетях (аватарки, размещаемая информация). Какой образ человека складывается на основе его самопрезентации? В какой мере этот образ является сознательным конструктом?

3. Какие бинарные оппозиции, бытующие в современном массовом сознании, определяют нашу повседневную жизнь? Как они проявляются? Обоснуйте свое мнение, подтвердите примерами.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та : Амфора, 2004. 312 с.

Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) [Электронный ресурс] / М. Д. Алексеевский. URL: mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Ахметова М. В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX — начала XXI в. : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2004 [Электронный ресурс] / М. В. Ахметова // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: [//www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova6.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova6.htm) (дата обращения: 06.10.2016).

Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики / А. Дандес // Фольклор: семиотика и/или психоанализ : сб. ст. / Алан Дандес : пер. с англ. ; сост. А. С. Архипова. М. : Вост. лит., 2003. С. 72–104.

²³ Цит. по: *Савицкая Т. Е.* Интернет-мемы как феномен массовой культуры [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvm-s3.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Дианова Т. Б. «Эффект Сидоренко»: образ виртуальной личности в сети и манипуляция массовым сознанием / Т. Б. Дианова // Интернет и фольклор : сб. ст. / сост. А. В. Захаров. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. С. 32–43.

Мороз А. Поверья и ритуалы повседневности / А. Мороз // Знание — сила. 1999. № 9–10. С. 59–62.

Неклюдов С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре» [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология / сост. М. В. Ахметова. М. : РГГУ, 2005. С. 9–27.

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города / С. Ю. Неклюдов // Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 5–24.

Поздеев В. А. Психологическая идентификация автора / исполнителя в фольклорном творчестве: от архаики до фольклнета / В. А. Поздеев, Е. В. Козлов // Интернет и фольклор : сб. ст. / сост. А. В. Захаров. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. С. 260–269.

Радченко Д. А. «Очень хочется чуда...»: бытование письма счастья в интернете / Д. А. Радченко // Фольклористика и культурная антропология сегодня : тез. и материалы Междунар. школы-конференции — 2012 / сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев. М. : РГГУ, 2012. С. 280–288.

Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры [Электронный ресурс] / Т. Е. Савицкая. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvm-s3.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Современная российская мифология / сост. М. В. Ахметова. М. : РГГУ, 2005. 285 с.

Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие / А. Л. Топорков // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

Voolaid P. Click 'like' and post it on your wall! Chain posts on facebook — identity construction and values [Electronic resource] / P. Voolaid. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol53/voolaid.pdf> (accessed: 06.10.2016).

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЯДОВОЙ СФЕРЫ

Современный свадебный обряд

Занятие-коллоквиум

Занятие состоит из трех частей, позволяющих вспомнить и на новом, более высоком, по сравнению с первым курсом, уровне, обсудить смысл и содержание обрядовых действий; ввести материалы частной семейной истории в исследовательское поле; отрефлексировать часть индивидуальных жизненных сценариев участников семинара.

1. Структура и семантика традиционного свадебного обряда

Свадебный обряд: сюжет, композиция, магическая основа. Свадебный хронотоп, семантика «перехода». Действующие лица свадебного обряда. Взаимодействие «молодого» (подружки невесты, подружье жениха, братья и сестры) и «взрослого» (родители, тысяцкий, сваты, священник) поколений. Поэтика жанров, связанных со сбором и встречей свадебного поезда: круг образов и мотивов. Жених и невеста в свадебном обряде. Образы жениха и невесты в песнях предсвадебного периода (сватовство, девичник). Магическая природа песен. Обряд расставания невесты с красой / красотой / волей и жанры, сопровождающие его. Причитания невесты: обрядовая функция, поэтика. Поэтика величальных и корильных песен, посвященных молодым. Время их исполнения, обрядовая роль. Приметы и суеверия, связанные со свадьбой.

2. Свадебные обряды советского и постсоветского времени

Расспросите своих родителей, а также родственников старшего поколения об их свадьбах; запишите их рассказы. На основе семейного нарратива восстановите сценарий советской / постсоветской свадьбы (обычно есть возможность сопоставить свадьбы 1960–1970-х гг. и свадьбы 1990-х гг.

3. Свадебный обряд сегодня

Выделите обязательные, с Вашей точки зрения, элементы современной свадьбы. Какие части обряда усложняются, а какие упрощаются? Составьте предполагаемый сценарий собственной свадьбы и прокомментируйте причины включения в него одних элементов и исключения других (если таковые будут).

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адоньева С. Б. Девка — молодуха — большуха — старуха: о ритуальной функции женщины в русской традиции / С. Б. Адоньева // Живая старина. 1998. № 1. С. 26–28.

Байбурин А. К. Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М. : Наука, 1990. С. 64–99.

Балашов Д. М. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области) / Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова. М. : Современник, 1985. 390 с.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 280 с.

Будина О. Р. Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева. М. : Наука, 1989. 252 с.

Варганова В. В. Сексуальное в свадебном обряде / В. В. Варганова // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А. Л. Топорков. М. : Ладомир, 1995. С. 149–157

Громов Д. В. Посещение достопримечательностей как часть современного свадебного обряда / Д. В. Громов // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 28–39.

Громов Д. В. «Свадебные достопримечательности»: ландшафт и современные молодежные обряды перехода / Д. В. Громов // Очерки русской народной культуры. М. : Наука, 2009. С. 502–526.

Громов Д. В. Социально-психологические причины воспроизводства обряда посещения «свадебных достопримечательностей» / Д. В. Громов //

Материалы Всерос. науч. конф. «Психологические проблемы современной российской семьи». (14–16 окт. 2003 г.) : в 3 т. / под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. Т. 1. М. : РАО, 2003. С. 46–52.

Громов Д. В. Стихийная обрядность в городском ландшафте: объекты и практики / Д. В. Громов // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 71–82.

Еркеева Т. Русская свадьба / Т. Еркеева. М. : Яуза, 1998. 224 с.

Жекулина В. И. Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии (по материалам Новгородской области). Обряды и обрядовый фольклор / В. И. Жекулина. М. : Наука, 1982. 242 с.

Жирнова Г. В. Русский городской свадебный обряд конца 19 в. — начала 20 в. / Г. В. Жирнова // Сов. этнография. 1969. № 1. С. 48–58.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия : в 4 ч. / М. Забылин ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. 688 с.

Калужникова Т. И. Уральская свадьба / Т. И. Калужникова. Екатеринбург : Классика, 2014. 168 с.

Кампарс П. П. Советская гражданская обрядность / П. П. Кампарс, Н. М. Закович. М. : Мысль, 1967. 256 с.

Карпухин И. Е. Русская свадьба в Башкортостане (состояние, поэтика, межэтнические взаимосвязи) / И. Е. Карпухин. Стерлитамак : СГПИ ; Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 1999. 245 с.

Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы / Н. П. Колпакова. Л. : Наука, 1973. 324 с.

Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни : учеб. пособие для пед. ин-тов / Ю. Г. Круглов. М. : Высш. шк., 1978. 215 с.

Кулагина А. В. Русская свадьба: традиции и новации / А. В. Кулагина // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. Вып. 1 / сост. В. Е. Добровольская. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 1997. С. 110–122.

Липовецкая И. Р. Своеобразие русской уральской свадьбы конца XIX — начала XX века / И. Р. Липовецкая // Фольклор Урала : межвуз. сб. науч. тр. / ред. А. С. Торощина. Свердловск : [Урал. гос. ун-т], 1982. [Вып. 6] : Фольклор городов и поселков. С. 130–140.

Матлин М. Г. «Замки счастья» на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе / М. Г. Матлин // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13 : Традиционная культура современного города / сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 2010. С. 194–217.

Мокроносов Т. И. Свадьба в дореволюционной уральской деревне / Т. И. Мокроносов // Фольклор Урала : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : [Урал. гос. ун-т], 1977. [Вып. 3] : Народно-песенное творчество. С. 81–94.

Морозов И. А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женильбы» / И. А. Морозов. М. : Лабиринт, 1998. 352 с.

Новикова А. М. Свадебные песни Тульской области / А. М. Новикова, С. И. Пушкина. Тула : Приокское кн. изд-во, 1981. 238 с.

Олсон Л. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 440 с.

Поэзия и обряд : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Б. П. Кирдан. М., 1989.

Поэзия крестьянских праздников / подгот. текста И. И. Земцовского. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1970. 636 с.

Причитания / вступ. ст. и примеч. К. В. Чистова. Л. : Сов. писатель, 1960. 434 с.

Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 3 ч. / Изд. при содействии О-ва любителей рус. словесности. М. : Тип. «Современ. Изв.», 1872–1882 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Республики Карелия : [сайт]. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=6270&levelID=012011&cType=1> (последнее обращение: 08.10.2016).

Пузикова Л. В. Свадьба XXI века: 77 вариантов / Л. В. Пузикова. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 384 с.

Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные / В. А. Руднев. Л. : Лениздат, 1982. 159 с.

Русская свадьба : [в 2 т.]. Т. 1 / Гос. респ. центр рус. фольклора ; МГУ ; сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов ; под ред. А. С. Каргина. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2000. 512 с.; Т. 2 / М-во культуры РФ, Гос. респ. центр рус. фольклора, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; [сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов ; под ред. А. С. Каргина]. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2001. 503 с.

Русский народный свадебный обряд : исследования и материалы / Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л. : Наука, 1978. 278 с.

Федорова В. П. Русская семья в Зауралье. Родильный, крестильный и похоронный обряды. Семейные предания : учеб. пособие / В. П. Федорова. Курган : Изд-во КГУ, 1997. 36 с.

3. ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В ПОСТФОЛЬКЛОРЕ И ИНТЕРНЕТЛОРЕ

В настоящее время активно изучается роль гендерного дискурса в политике: как гендерные представления влияют на репрезентацию политиков в СМИ и на восприятие их избирателями. Гендерные стереотипы включаются в политическую борьбу, влияя на победы и поражения политиков и политических партий.

Существует несколько матриц восприятия национального героя: в качестве короля / вождя, мифологического героя (богатыря), идеального мужчины и др. Богатый материал для размышления дает концепция о *двух телах короля*, разработанная германским медиевистом Э. Канторовичем.

Как известно, король рассматривался в Средневековье и как индивид, и как сверхъестественное существо, причастное сакральной власти. Таким образом, у короля оказывается как бы «два тела»²⁴: тело «естественное» (смертное, подверженное болезням) и тело «политическое» (служащее для осуществления «общественного блага»). При этом тело «политическое» превалирует над телом «естественным». Когда это первое тело истончается, то обнаруживаются недуги и несовершенства тела смертного. Отсюда, например, проистекает стремление скрыть болезни правителя. Канторович анализирует, как грандиозная идея церкви «мистическое тело, голова которого — Христос» наполнялась светским содержанием (корпоративным и юридическим), а само светское государство впадало, быть может, в другую крайность, претендуя на свое почти религиозное освящение и прославление; заключался своеобразный мистический брак короля с королевством. Как церковь была «невестой Христовой», его мистическим телом, так и королевская власть была «мистическим телом» королевства.

²⁴ Канторович Э. Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2005. С. 12–26.

Восприятие национального лидера как мифологического героя представлено в статье С. В. Юрловой, где автор сближает политическую сферу со сферой массового сознания («есть две важнейшие составляющие современной жизни, в равной степени мифологизированные, но при пересечении порождающие особые формы мифологической картины мира. Это сфера политики и массового сознания»²⁵). По мнению исследователя, востребованная мифологема *культурного героя* может быть представлена в трех основных вариантах: герой-борец, герой-трикстер и герой-демиург, — все эти варианты рассматриваются в контексте создания имиджа политика.

Если речь идет о *герое-демиурге*, то его основной задачей становится борьба с хаосом. Образ политика, основанный на этой мифологеме, содержит в себе три доминанты:

— появление героя-демиурга на политическом олимпе в момент тотального хаоса (экономического, политического, нравственного и др.);

— непрерывность испытаний, которым подвергается политик-демиург, и, разумеется, его личная сила, воля и харизма;

— воцарение порядка как результат его политической деятельности.

«Потребность массового сознания в персонифицированном образе “автора” мировой гармонии поддерживает такого рода доминанты в политическом имидже представителей политической элиты. Всегда приятно осознавать, что лидеры государства всесильны и заботятся о гармонии во всем мире»²⁶. Формирование такого образа зависит и от модели поведения самого политика, и от работы его пиар-служб и средств массмедиа.

²⁵ Юрлова С. В. Мифологема культурного героя как основа политического имиджа // Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в массовой культуре : тез. докл. Междунар. науч. конф., г. Пермь, 26–27 июня 2015 г. / ред. кол.: М. П. Абашева (отв. ред.), Ю. Ю. Даниленко, Ф. А. Катаев. Пермь : ПГГПУ, 2015. С. 33–35.

²⁶ Там же.

Гендерный аспект массовой культуры изучается в работах И. Савкиной, отмечающей маскулинизацию образа России в последние годы и появление ряда «агрессивных, авторитарных и претендующих на роль всезнающих экспертов медиа-персонажей — телеведущих»²⁷.

Темы *национального лидера* и *патриотизма* поддерживают друг друга. Ряд исследователей отмечают «возвращение патриотизма как культуuroобразующего фактора и доминантного дискурса в российской властной риторике»²⁸. Концепт *патриотизма* изначально оказывается связан с идеей жертвоприношения, представленной в двух аспектах: «самопожертвования на “алтаре отечества” и публичной казни врагов отечества, не-патриотов»²⁹.

Российский *патриотический дискурс* включает в себя *ностальгию по советскому*. «Дискурсом, наследуемым постсоветской действительностью из прошлого, является дискурс имперского величия, исключительности, на которых базировалась коллективная идентичность советского человека. Значение символических фигур, праздников и обычаев прошлого за последние годы только растёт»³⁰.

²⁷ Савкина И. «ПсакиНаНочь»: новые образы Америки и России в современных медиа и массовой культуре // Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в массовой культуре : тез. докл. Междунар. науч. конф., г. Пермь, 26–27 июня 2015 г. / ред. кол.: М. П. Абашева (отв. ред.), Ю. Ю. Даниленко, Ф. А. Катаев. Пермь : ПГГПУ, 2015. С. 11–12.

²⁸ Абашев В. В., Абашева М. П. Монументальное возвращение патриотизма (пермский случай) // Там же. С. 15–16.

²⁹ Казанков А. И. Жертвоприношение: эпифеномен или конституирующая структура патриотизма? // Там же. С. 13–15.

³⁰ Смолина Н. С., Кузнецова О. В. Коллективные практики постсоветского человека: дискурс ностальгирования и дискурс величия // Там же. С. 23–24.

Образ Сталина в интернете

Практическое занятие

Студенты собирают материал из СМИ, подтверждающий или опровергающий положения, изложенные в теоретической части данного раздела. Возможен вариант, при котором студенты готовят сообщения, раскрывающие специфику репрезентации образов выбранного правителя (государственного деятеля) в интернете.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Образы каких правителей или государственных деятелей подверглись фольклоризации в наибольшей степени? Какие черты правителя актуализируются при попадании его образа в интернет? Проанализируйте представление в социальных сетях 2–3 правителей.
2. Уместны ли, с Вашей точки зрения, шутки над Сталиным и временем его правления? Почему?
3. В чем, на Ваш взгляд, причины актуальности и популярности образа Сталина в интернетлоре и постфольклоре?

Руководитель страны всегда находится в центре внимания, поэтому анекдоты о нем распространяются быстро и имеют максимально широкую аудиторию³¹. Известно огромное количество текстов о главах государства — В. И. Ленине, И. В. Сталине, Н. С. Хрущёве, Л. И. Брежневе, Ю. В. Андропове, К. У. Черненко, М. С. Горбачёве, в которых высмеиваются отдельные личностные черты государственных лиц, реальные либо приписываемые указанным персонажам. Отметим, что в новейшее время — в эпоху интернетлора — только Ленин и Сталин сохранили свою актуальность в анекдотах. Но если Ленин в интернете стал мемом («Ленин — гриб»), то Сталин до сих пор воспринимается очень

³¹ См.: *Архипова А. С.* Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova6.htm> (дата обращения: 10.06.2016).

неоднозначно. Повышение интереса (и количества постов) к Сталину ежегодно фиксируется 5–6 марта и 9 мая. В соцсетях создаются аккаунты под именем Сталина. Только в Twitter можно насчитать более 30 аккаунтов, названных его именем («Иосиф Сталин» или «товарищ Сталин»), большинство из которых были созданы и заброшены в 2013 г. — в 60-ю годовщину смерти.

Есть и аккаунты от «имени» предметов, символизирующих Сталина: в интернетлоре это *усы* и *трубка*. Отметим, что усы и трубка осмыслились еще в советских анекдотах³². («Что такое брови Брежнев? — Это усы Сталина, но на более высоком уровне» [КА 2004 № 17]; «Сталин сообщил Берии, что у него пропала трубка. На завтра Сталин сказал Берии, что трубка нашлась. “А я уже арестовал 25 человек по этому делу, и все признались!” сказал Берия» [КА 2004 № 8]; этот же сюжет [АА 2009 V.7E]). Есть аккаунт *Сталин-гулаг*, в назывании которого совмещается имя диктатора и напоминание о системе лагерей. Также есть аккаунты, созданные от имени «близких» Сталина: «Агент Сталина» и «Внучка Сталина», «кот Сталина», «Пес Сталина» и др.

Важно отметить, что во всех приведенных аккаунтах речи непосредственно о Сталине, кроме как в названии, не идет. В них пишут о повседневности, политике, размещают шутки, не связанные с политиком.

Можно выделить три основных направления осмысления образа Сталина и его роли в истории СССР: Большой террор, победа в Великой Отечественной войне и «утраченное процветание» страны.

1. Сталин как победитель в войне

Уже несколько лет перед 9 мая в ряде городов запускают *сталинобусы*, появляются баннеры и наклейки с портретом Сталина. В соцсетях есть попытки связать образ Сталина не только с днем

³² Архипова А. С., Мельниченко М. А. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М. : ОГИ, 2009. 408 с.; Krikmann A. Netinalju Stalinist — Интернет-анекдоты о Сталине — Internet Humour about Stalin. Tartu : Eesti Kirjandusmuuseum, 2004. 398 с. В сокращениях дается как АА и КА с указанием номера сюжета.

Победы: например, 14 февраля предлагается посылать *Сталинтинки* в память об освобождении Ростова-на-Дону в 1943 г.

2. Сталин как правитель великой страны

Нередко Сталина представляют как «эффективного менеджера», при этом с ним сравнивают современных политиков. Сравнение может быть как комплиментарным по отношению к главе государства, так и негативным. Популярны также изображения Сталина, рядом с которыми перечисляются его заслуги.

3. Сталин как организатор Большого террора

Вопрос о репрессиях и количестве погибших в лагерях — один из самых болезненных для российского общества, а потому и один из самых обсуждаемых. Исследователь А. Эткинд не зря называет ситуацию с памятью о репрессированных в России «кривым горем». Надо сказать, что про репрессии чаще пишут пострадавшие от них. Проявляется эта травма и в шутках о том, что было бы, если бы Сталин вернулся: чаще других звучит мысль, что он бы расстрелял своих сторонников.

Подводя итоги, нужно еще раз подчеркнуть, что Сталин — популярный персонаж в интернете, встроенный в контекст актуальных политических деятелей. Хотя сам по себе его образ почти лишен комической окраски, высказывания о Сталине чаще всего построены по модели анекдота. Если говорить о комических контекстах, в которых возникает Сталин, то одним из таковых является сопоставление его с поисковой системой Google: «Сталин как Google: ты ему слово — он тебе ссылку». Встраивается образ Сталина и в ряд мемов. Например, отец народов может произносить измененную фразу «Ты кто такой, давай до свидания». Здесь уместно вспомнить суждение А. Эткинды со ссылкой на концепцию В. Беньямина о юморе как «изнанке горя»³³. Функционирование анекдотов о Сталине в интернете показывает, что в обществе идет активная работа по преодолению травмы прошлого и переживаний горя: попытка осмысления и осмеяния Сталина становится

³³ Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 38.

формой борьбы со страхом перед ним или перед возможностью репрессий.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова А. С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра [Электронный ресурс] / А. С. Архипова // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova6.htm> (дата обращения: 10.06.2016).

Архипова А. С. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследование / А. С. Архипова, М. А. Мельниченко. М. : ОГИ, 2009. 408 с.

Архипова А. С. День Чейна-Стокса. Сталин сегодня: практики сетевой мемориализации и триумф смерти [Электронный ресурс] / А. С. Архипова // Гефтер : [сайт]. URL: http://gefter.ru/archive/17838?_utl_t=fb (дата обращения: 10.06.2016).

Гендерная реконструкция политических систем / под ред. Н. М. Степановой, М. М. Кириченко, Е. В. Кочкиной. СПб. : ИСПГ-Алетейя, 2003. 991 с.

Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : ЦНСИ, 1996. (Труды ; вып. 4). 96 с.

Забродкина Е. Д. «Трудно быть богом»: эволюция политических образов Владимира Путина / Е. Д. Забродкина, В. В. Пасынкова [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trudno-byt-bogom-evolyutsiya-politicheskikh-obrazov-vladimira-putina> (дата обращения: 10.06.2016).

Канторович Э. Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья / Э. Канторович. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2005. 520 с.

Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в массовой культуре : тез. докл. Междунар. науч. конф.; г. Пермь, 26–27 июня 2015 г. / ред. кол.: М. П. Абашева (отв. ред.), Ю. Ю. Даниленко, Ф. А. Катаев. Пермь : Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2015. 90 с.

Римский В. Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты / В. Л. Римский // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97–105.

Рябова Т. Б. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики / Т. Б. Рябова, О. В. Рябов // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 68–72.

Рябова Т. Б. Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) [Электронный ресурс] / Т. Б. Рябова, О. В. Рябов // Полис. Политические исследования. 2010. № 5. С. 48–63. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2010/5/5.pdf> (дата обращения: 10.06.2016).

Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике / Т. Б. Рябова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 246 с.

Святославский А. В. Трансформация образа И. В. Сталина в коллективной памяти (с 1930-х гг. до современности) / А. В. Святославский // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 288–313.

Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие / А. Л. Топорков // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: Специфика российского опыта [Электронный ресурс] / О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-v-politicheskoy-kulture-spetsifika-rossiyskogo-opyta> (дата обращения: 06.10.2016).

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / А. Эткинд. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 328 с.

Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная политика и гендер в риторике предвыборной борьбы / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социс. 2002. № 11. С. 55–60.

Gender and Elections: Shaping the Future of American Politics / ed. by S. J. Carroll, R. L. Fox. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press, 2006 [Electronic resource] // UNTAG : [site]. URL: http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/ELECTIONS%20Gender%20and%20Elections.pdf (accessed: 10.10.2016).

Krikmann A. Netinalju Stalinist — Интернет-анекдоты о Сталине — Internet Humour about Stalin / A. Krikmann. Tartu : Eesti Kirjandusmuuseum, 2004. 398 с.

Women, Media, and Politics / ed. by P. Norris. New York : Oxford Univ. Press, 1997. 288 p.

4. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОСТФОЛЬКЛОРА. «ЖЕНСКОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (стереотипы, практики и др.)

Термин *гендер* имеет латинские корни, в русский язык он пришел из английского, будучи введен в научный оборот психиатром, психологом и психоаналитиком Столлером («Gender and sex», 1968); термин оказался удобен, так как позволяет разделять физиологию человека (пол — то, что по-английски называется *sex*) и *gender* — то, что социально организовано и социально сконструировано. Фокус гендерных исследований заключается в изучении социально конструированных отношений, групп, определяемых по признаку пола. В России этот термин впервые появился в самом конце 1980-х гг. Первоначально исследованию подверглись вопросы дискриминации по признаку пола, здесь категория «гендер» оказалась очень емкой, важной и уместной, так как дискриминация тесно связана с социальными и политическими процессами. В 1989 г. в Москве был создан Московский центр гендерных исследований при Академии наук, Россия интегрировалась в международные академические процессы, подписала в 1985 г. Декларацию, принятую ООН, о борьбе со всеми формами дискриминации против женщин.

Патриархат — это социальная система, общественное устройство, при котором женщины являются объектом угнетения, эксплуатации и оказываются в подчиненном положении; можно говорить о патриархате публичном и приватном. Патриархат можно рассматривать и как механизм угнетения мужчин, поскольку и мужчинам навязываются определенные социальные роли, осуществляя давление через соответствие образу «настоящего мужчины».

Обсуждение гендерных отношений в России выводит на проблематику *женской власти* как «особой власти женщин» (в литературе даже появился жанр «стервологии»: разнообразные сборники, наставления, руководства к действию, написанные

психологами, которые обсуждают, как женщины могут манипулировать мужчинами). В концепт *стервы* встроены два женских образа: с одной стороны, это женщина, которая нечестным путем добивается своих целей, нелегитимно используя власть; с другой стороны, такая женщина — все-таки субъект, имеющий свои цели и защищающий их, пусть и нечестными путями. В силу этого Е. Здравомыслова и А. Темкина³⁴ определяют *женскую власть* как *власть слабых*, власть манипуляторов, извлекающих выгоду из своего угнетенного положения. При нехватке легитимных, в ход идут малолегитимные или нелегитимные тактики и практики. Выявление и анализ *гендерных паттернов* вскрывают взаимообусловленность государственного и социокультурного, а также их чувствительность к разным возрастным группам (синдром «поколения сэндвич» и др.).

Ведьма как архетип современной женщины

Ведьма — популярный фольклорный персонаж, в трансформированном виде встречающийся и в массовой культуре, и в СМИ. Если раньше «профессия» ведьмы была скрыта от глаз общества, то в последние годы подается едва ли не как главное женское призвание. В социальных сетях определение «ведьма» становится синонимом самостоятельной и самодостаточной женщины.

Существуют попытки связать растущий интерес к ведьмам с усилением феминистических тенденций в обществе³⁵. Ведьма в таком контексте становится архетипом свободной женщины, живущей вне ограничений общества. В Европе и в США существуют кованы, объединяющие ведьм-феминисток, в рамках которых совершаются ритуальные практики³⁶. В России эта связь

³⁴ Российский гендерный порядок: социологический подход / ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2007.

³⁵ Natrella K. T. Witchcraft and Women: A Historiography of Witchcraft as Gender History [Electronic resource]. URL: <https://www.binghamton.edu/history/resources/journal-of-history/k-natrella.pdf> (accessed: 21.09.2016).

³⁶ Griffin W. The embodied goddess: Feminist witchcraft and female divinity [Electronic resource] // Sociology of Religion. Vol. 56. No. 1. Spring, 1995. P. 35–49.

пока не проявлена. Однако нельзя не признать, что лозунги многих феминистических и ведьмовских сообществ в соцсетях совпадают, в первую очередь, посылу «принимать себя такой, какая ты есть» и «жить для себя-любимой».

Ведьмы выступают на телевидении и учат женщин своим секретам. Между тем, публичное проявление своих скрытых способностей нарушает один из главных принципов ведьмовства: колдовство всегда скрыто от глаз посторонних. Исследованием современного колдовского дискурса в России занимается О. Б. Христофорова. Она отмечает, что колдовской дискурс формируют в первую очередь жертвы. Именно этим и объясняется повышенный интерес к теме магического ущерба — способам и видам порчи. На сегодняшний день жертвы ведьм имеют голос только в криминальной хронике.

Образ «типичной» ведьмы в текстах славянских поверий выглядит следующим образом: ведьма — достаточно устойчивый и легко узнаваемый персонаж; это женщина, которая знает с нечистой силой, обладает сверхъестественными свойствами и использует их во вредоносных по отношению к другим людям целях, т. е. вредит окружающим. У ведьмы двойственная природа — принадлежит людям и демонам одновременно. Можно различить два способа получения магической силы: контракт с нечистой либо врожденные способности (дочь ведьмы).

Современные ведьмы — обычно достаточно молодые женщины, которые хотят помогать, а не вредить людям. Исследователь Галина Лидквист³⁷ подчеркивает, что в постсоветском пространстве колдовство стало услугой, оказываемой гражданам наравне с другими. В наши дни у каждой ведьмы есть штат помощников: пиарщики, секретари и т. д. Ведьмы активно появляются на людях и рассказывают о своей деятельности.

URL: <http://web.csulb.edu/~wgriffin/embodied.html> (accessed: 21.09.2016).

³⁷ *Lindquist G. Conjuring Hope: Magic and Healing in Contemporary Russia. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2006. P. 23–24.*

В рассказах современных ведьм о себе³⁸ можно выделить несколько повторяющихся пунктов, на которых строится их идентичность.

1. Семейный дар

Ведьмы подчеркивают, что их дар перешел к ним от старших родственников: чаще всего от матери или бабушки. Таким образом, магические способности чаще всего наследуются. Попытки отказа от семейного дара ведут к наказанию (чаще всего к тяжелой болезни).

2. Инициация

В рассказах современных ведьм постоянно подчеркивается, что они пережили клиническую смерть, иногда не одну. Именно пограничное состояние между жизнью и смертью и открывает у них магический дар. Иногда мотив клинической смерти сочетается с мотивом чудесного рождения.

3. Определение магии

Большинство ведьм заявляют, что пользуются черной магией. Отметим, что цветовое разделение магии было характерно для западно-европейской традиции. У славян, к которым себя причисляет большинство ведьм, подобной практики не было (славяне разделяли знахарок и ведьм = «вражних»). Каждая ведьма представляет свой вариант понимания «темной магии»: одни получают сведения от духов предков, от мертвых через кровь, из Хаоса и т. д. Однако ведьмы утверждают, что их магия направлена во благо.

4. Магические практики

Современные ведьмы активно ведут приемы и консультации, а также мастер-классы. Согласно их утверждениям, в каждом человеке можно пробудить экстрасенсорные способности. Примечательно, что многие советы колдунов напоминают «позитивную психологию», столь популярную в интернете: надо правильно питаться, делать зарядку и думать о хорошем.

³⁸ Изучались интервью победительниц и финалисток шоу «Битва экстрасенсов».

Таким образом, ведьмы являются одними из активных участниц медиадискурса. Они выступают на телевидении, ведут собственные блоги, пишут книги и создают образцы поведения для многих девушек и женщин.

ЗАДАНИЯ

1. Посмотрите какое-либо ТВ-шоу с участием «ведьмы». Проанализируйте ее внешний блик, поведение, речь. Какие элементы своего образа и представлений она заимствует из традиционного фольклора? Что появляется нового?

2. Проанализируйте женские группы (форумы) в интернете. Какие качества предписывается иметь женщине, а от необходимости реализации чего женщина «освобождается»?

3. Сделайте обзор зарубежных исследований, касающихся современных магических практик и ведьмовства. Примерный перечень тем: ведьмы и феминизм, ведьмы в патриархальной культуре, современные магические практики и субкультуры, их пропагандирующие.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ведическая женщина — в чем подвох? [Электронный ресурс] // Слушай душу: окрыляющий ресурс для женщин : [портал]. URL: <http://listentosoul.ru/vedicheskaya-zhenstvennost-v-chem-podvoh-3/> (дата обращения: 21.09.2016).

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л. Н. Виноградова. М. : Индрик, 2000. 432 с.

Демонология как семиотическая система : тез. докл. IV Междунар. науч. конф. Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. / сост. и ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М. : РГГУ, 2016. 164 с.

Российский гендерный порядок: социологический подход / ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2007. 306 с.

Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М. : Междунар. отношения, 1995. 488 с.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России / О. Б. Христофорова. М. : ОГИ : РГГУ, 2010. 432 с.

Христофорова О. Б. О магах, маглах и дозорах: новые старые социальные мифы / О. Б. Христофорова // Миф в фольклорных традициях

и культуре новейшего времени / ред. С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2009. (Чтения по истории и теории культуры ; вып. 57). С. 35–48.

Христофорова О. Б. Упавшая крыша и дочь колдуна, или О коллективности представлений и индивидуальности толкований / О. Б. Христофорова // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре / ред.-сост. Е. Н. Дувакин, Ю. Н. Наумова. М. : РГГУ, 2013. С. 228–248.

Griffin W. The embodied goddess: Feminist witchcraft and female divinity [Electronic resource] / W. Griffin // Sociology of Religion. Vol. 56. No. 1. Spring, 1995. P. 35–49. URL: <http://web.csulb.edu/~wgriffin/embodied.html> (accessed: 21.09.2016).

Lindquist G. Conjuring Hope: Magic and Healing in Contemporary Russia / G. Lindquist. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2006. 251 p.

Natrella K. T. Witchcraft and Women: A Historiography of Witchcraft as Gender History [Electronic resource] / K. T. Natrella. URL: <https://www.binghamton.edu/history/resources/journal-of-history/k-natrella.pdf> (accessed: 21.09.2016).

5. ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ: КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ, АНЕКДОТЫ

Оппозиция *свой / чужой* — одна из основных для самоидентификации в любой культуре, охватывающая все уровни: от космологического до бытового прагматического. Выделение «чужих» позволяет народу «лучше осознать себя самого, свою уникальность и своеобразие». Исследователь *этностереотипов* О. В. Белова отмечает, что «фольклорно-мифологическая трактовка образа “чужого” динамично развивается между двумя полюсами — отторжения и толерантности, сочетая в себе на первый взгляд противоречивые и несовместимые характеристики»³⁹. Складывающиеся внутри этноса стереотипы восприятия «чужих» чрезвычайно устойчивы. Вообще, стереотип предполагает восприятие кого-либо в категориях группового членства; стереотипы призваны объяснить поведение групп «других» людей относительно «своих» и дать ему оценку; *стереотипизация* — неизбежное социальное явление; своеобразная «карта» социальной реальности; механизмы стереотипизации разных групп различаются сценариями, глубиной стереотипизации и субъектами.

В постфольклоре и в интернетлоре этностереотипы наиболее ярко проявлены в анекдотах. Исследователи анекдота Е. Я. и А. Д. Шмелевы уточняют, что «наиболее частые герои советских анекдотов об этнических меньшинствах в современном фольклоре — это грузины, чукчи, украинцы и евреи»⁴⁰. Анекдоты о различных народах возникли в разное время (так, анекдоты о евреях и украинцах появились в русском фольклоре гораздо раньше анекдотов о чукчах и грузинах).

³⁹ Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М. : Индрик, 2005. С. 7.

⁴⁰ Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Этнические стереотипы в русских анекдотах [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2014. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/4/12sch.html> (дата обращения: 06.10.2016).

Исследователи жанра *анекдот* выделяют два типа этнических анекдотов:

а) анекдоты, в которых рассказывается о представителях одной этнической группы;

б) анекдоты, содержащие сопоставление представителей разных культур (частотный сюжет — встреча представителей нескольких наций⁴¹).

Для второй группы анекдотов характерно приписывать представителям других этнических групп стереотипные характеристики, не имеющие четкого оценочного характера. Сюжет подобных анекдотов может развиваться двояко: либо француз, англичанин и русский (или американец, немец и русский / чукча) попадают в необычную / опасную ситуацию, либо каждому по очереди нужно действовать в какой-то ситуации.

Интересно отметить, что некоторые сюжетные ходы в анекдотах об иностранцах сохраняются на протяжении трех веков. Так, А. Архипова и М. Мельниченко приводят сюжет о Петре Первом, хвастающемся перед иностранными правителями храбростью русских солдат, который успешно трансформировался в анекдот о Владимире Путине⁴².

Анекдоты представляют картину стереотипического восприятия людей другой национальности и характеризуют субъекта и особенности культурных контактов. Если же говорить про портреты «инородцев», которые складываются на основе анекдотов, можно выделить следующие их черты:

- *украинцы* в анекдотах оказываются глупыми, жадными, неопрятными и обожающими сало (любовь к салу может заменять все остальные привязанности);

- *чукчи* представляют собой типичного «чужого», не владеющего элементами современной культуры; в то же время

⁴¹ См.: *Билан О. А.* Анекдот как отражение стереотипных представлений [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6 (73). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/anekdoto-kak-otrazhenie-stereotipnyh-predstavleniy> (дата обращения: 06.10.2016).

⁴² См.: *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Анекдоты о Сталине : тексты, комментарии, исследования. М. : ОГИ, 2009. 408 с.

чукча — «естественный человек», наделенный определенной смекалкой;

- *евреи* в анекдотах предстают хитрыми и парадоксальными персонажами. Среди анекдотов об этой нации можно выделить отдельные группы на основе наиболее популярных персонажей: еврейская мама, старик-еврей, евреи-супруги. Интересно, что многие анекдоты о евреях трансформировались в другие малые жанры интернет-фольклора: в открытки, например, или в посты еврейской мудрости (по сути, пословицы). Также в интернете создаются отдельные комические персонажи-евреи. Например, Роза Моисеевна в «Твиттере»;

- *грузины* — люди заметные, шумные, пестро, часто безвкусно, но всегда «богато» одетые, любят прихвастнуть и пустить пыль в глаза. В качестве отдельного персонажа внутри этой группы можно выделить грузина-долгожителя, дающего советы о том, как правильно жить;

- *эстонцы* в русских анекдотах чрезвычайно медлительны. Собственно на их неспешности и строится весь комизм анекдота.

Важно отметить, что речь «чужих» в анекдотах всегда маркирована: может употребляться украинский язык, слово-паразит «однако» (для речевого портрета чукчи), подчеркнутая вежливость и частица «таки» для евреев, обращение ко всем на «ты» и нарушение грамматики для грузин, при характеристике эстонцев могут растягиваться гласные.

В начале XXI в. форма анекдота и его бытование изменяются. Анекдот переходит в письменную форму и почти исчезает из устного бытования. В соцсетях анекдот, во-первых, становится короче (его удобно читать), но при этом роль бисоциации⁴³, вызывающей смеховую реакцию, повышается. Во-вторых, анекдот визуализируется. В соцсетях нередко фабулу анекдота заменяет картинка, а подпись к ней является пуантом, вызывающим смеховую реак-

⁴³ См.: *Архипова А.* Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova6.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

цию. Часто персонажами таких визуализированных анекдотов становятся политические деятели. При этом «набор» персонажей подобных анекдотов несколько отличается от ранее перечисленных персонажей анекдотов. В частности, важное место в интернет-лоре занимают анекдоты о белорусах. Чаще всего встречаются шутки про обилие в стране картошки, а также про лидера Белоруссии — «бацьку» Александра Лукашенко. Иногда эти два мотива могут соединяться (в июле 2016 г. Лукашенко был представлен в облике покемона Бульбазавра, водящегося только на территории Белоруссии).

ЗАДАНИЯ

1. Проиллюстрируйте выделенные черты «чужих» примерами из анекдотов. Как история культурных контактов отразилась на позиционировании персонажа иной культуры?
2. Проанализируйте образы зарубежных политиков в интернете и СМИ с точки зрения присутствия этностереотипов их восприятия.
3. Проследите связь между актуализацией образа «чужого» и геополитической ситуацией в мире. Почему не все политики попадают в поле этностереотипов?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова А. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра [Электронный ресурс] / А. С. Архипова // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova6.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

Архипова А. С. Анекдоты о Сталине : тексты, комментарии, исследования / А. С. Архипова, М. А. Мельниченко. М. : ОГИ, 2009. 408 с.

Архипова А. С. Традиции и новации в анекдотах о Путине / А. С. Архипова // Post-socialist jokelore / Постсоциалистический анекдот. International symposium. January 15th–16th 2007 / Estonian Literary Museum, Department of Folkloristics, The Centre of Cultural History and Folkloristics in Estonia. Tartu, 2007. P. 43–72.

Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. М. : Индрик, 2005. 287 с.

Билан О. А. Анекдот как отражение стереотипных представлений [Электронный ресурс] / О. А. Билан // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6 (73). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/anekdot-kak-otrazhenie-stereotipnyh-predstavleniy> (дата обращения: 06.10.2016).

Визуальное и вербальное в народной культуре : тез. и материалы Междунар. школы-конф. — 2013 / сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев. М. : РГГУ, 2013. 339 с.

Лутовинова О. В. Анекдот в смеховом мире Интернета [Электронный ресурс] / О. В. Лутовинова // Аналитика культурологии. 2007. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/anekdot-v-smehovom-mire-interneta> (дата обращения: 06.10.2016).

Лярская Е. В. «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках / Е. В. Лярская // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258.

Нымм Е. Ю. Этностереотипы русских и эстонцев в анекдотах [Электронный ресурс] / Е. Ю. Нымм // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnostereotipy-russkih-i-estontsev-v-anekdotah> (дата обращения: 06.10.2016).

Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. 736 с.

Тарасенко Т. В. Анекдот сквозь призму интернета / Т. В. Тарасенко // Вестн. Новг. гос. ун-та. 2009. № 52. С. 78–81.

Шестопап Е. Б. Новые тенденции восприятия власти в России [Электронный ресурс] / Е. Б. Шестопап // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» : [сайт]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Shestopal-2005-3.pdf> (дата обращения: 06.10.2016).

Шестопап Е. Б. Сдвиги в восприятии власти российскими гражданами в 2010-х гг. / Е. Б. Шестопап // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 52–64.

Шмелев А. Д. Этнические стереотипы в русских анекдотах [Электронный ресурс] / А. Д. Шмелев, Е. Я. Шмелева // Отеч. зап. 2014. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/4/12sch.html> (дата обращения: 06.10.2016).

Шмелева Е. Я. Русский анекдот: текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

6. МАЛЫЕ ЖАНРЫ ПОСТФОЛЬКЛОРА

Культурная ситуация постмодерна обостряет интерес современной русской литературы к мифологии (включая мифологию повседневности) и фольклору / постфольклору. По мнению С. Петренко, постфольклор оппозиционен по отношению к фольклору традиционному и родственен маргинальным, вторичным жанрам поэзии посмодерна⁴⁴. Своеобразие эстетики российского постмодерна состоит в том, что в России развитие модерна было насильственно прервано, что обусловило не столько отталкивание постмодерна от модернистской эстетики, сколько своеобразную «ностальгию» по нему. В любом случае *ирония* как часть модернистской культурной парадигмы являет собой одну из основных модальностей отношения коллективного субъекта к культурной и исторической реальности (концепция *пастиша* Джеймисона). От *детских страшилок*, впервые собранных О. Гречиной в середине 1960-х гг. в Ленинграде, через *садистские стишки*, пришедшие в детский фольклор в 1970–1980-е гг., осуществляется переход к популярным ныне жанрам интернет-поэзии и фольклора.

С другой стороны, развитие интернет-поэзии может быть рассмотрено как проявление *лингвокреативной деятельности* взрослого человека. Такой взгляд вписывает ее в русло развития литературы нонсенса, умеющей посмотреть на мир «свежим», «остранненным» взглядом ребенка. Активизируя игровое начало в поэтическом творчестве, малые жанры интернет-поэзии способствуют освобождению и создателей, и читателей от рутины повседневности при соблюдении (парадокс!) достаточно строгих

⁴⁴ Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой [Электронный ресурс] // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. № 7 (92). С. 129–135. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pirozhenki-i-poroshki-setevaya-poeziya-mezhdu-folklorom-i-literaturoy> (дата обращения: 06.10.2016).

жанровых правил, ведя одну из внутрижанровых подражающих сетевых игр.

Малые жанры фольклора тесно связаны с повседневной жизнью человека, они в равной степени относятся к языку и речи, а также отличаются «быстрым реагированием» на происходящие события. С распространением интернета многие малые жанры адаптировались к новой реальности: изменили состав или визуализировались. На основе прежних жанров появились и новые: например, частушка и садистский стишок стали основой для появления *пирожков* и *депрессняшек*, о которых речь пойдет ниже. Отметим, что и сама частушка, попав в интернет-среду, не потерялась. Особенно активно изучаются хакерские частушки, являющиеся стилизацией под фольклорный жанр.

А. Петрова отмечает, что «и частушка, и садистский стишок суть *модели* для наполнения их словами». То же самое можно сказать про современные жанры сетевого смехового фольклора — *пирожки*, *порошки* и *депрессняшки*⁴⁵. Собственно, эти короткие четверостишия пользуются не меньшей популярностью, чем в свое время частушки или садистские стишки, что привлекает к ним внимание не только интернет-пользователей, но и исследователей.

Пирожки, как жанр сетевой поэзии, наследуют не столько форму частушки, сколько ее прагматику. Они представляют собой удобную форму быстрой реакции на текущие события⁴⁶. Постоянное обновление репертуара также роднит эти жанры.

Пирожок — стихотворение, состоящее из четырех строк, написанное без знаков препинания, строчными буквами. Обязательное условие — четырехстопный ямб и строгое распределение слогов:

⁴⁵ Петрова А. Частушка и садистский стишок: память жанра. Вербальное, виртуальное, визуальное [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2009. № 11. URL:http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_10_petrova.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

⁴⁶ Зырянов И. В. Поэтика русской частушки. Пермь : [б. и.], 1974. С. 46; Адоньева С. Б. Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 156–178.

9-8-9-8 (иногда 9-8-9-2). Рифма не является обязательной, но допускается для второй и четвертой строки.

Обязательным элементом любого пирожка является *пуант* — неожиданный поворот мысли. Именно неожиданность финала пирожка и обеспечивает его успех. Парадоксальность повседневного — главная тема этого жанра сетевой поэзии:

оксана в рот олегу смотрит
сперва в восторге ах артист
потом внимательней уже как
дантист.

© Мурка

Легко заметить, что пирожки напоминают частушку только формой — это устойчивая четырехстрочная строфа. При этом пирожки, в отличие от частушки, — жанр регламентированный. Для частушки характерен акцентный стих, тогда как пирожки пишутся четырехстопным ямбом. В то же время строфа и частушек, и пирожков — «это сложное смысловое, синтаксическое и интонационное целое»⁴⁷.

Пирожки, при всем их тематическом разнообразии, всё же достаточно четко делятся на несколько тематических групп, по интонации же они могут быть и грустными, и веселыми, и сатирическими.

В основе *бытовых пирожков* лежит некая типичная жизненная ситуация. Это самая обширная группа пирожков. Достаточно часто в них обыгрываются известные штампы и клише. Именно в этой группе стихов можно выделить постоянных действующих лиц: Николай, Олег, Глеб, Зухра, Зинаида и Оксана.

зима оксана торжествует
весна оксана ест беляш
июнь оксана не выходит
на пляж.

© Бронт

Постмодернистские пирожки ориентированы на игру с прецедентными текстами. Важно подчеркнуть, что для пирожков

⁴⁷ Зырянов И. В. Поэтика русской частушки. Пермь : [б. и.], 1974. С. 48.

прецедентным может стать любой текст (от литературной классики до рекламы).

ступай старик вздохнула рыбка
устало вслед промолвив лишь
да чтобы внук твой конопат был
и рыж.

© zub

Отдельное внимание уделяется известным личностям (актерам, певцам, музыкантам и их произведениям).

когда над матушкою волгой
раздался голос с хрипотцой
мохнатый шмель аж подавился
пыльцой.

© колик

Политические пирожки являются откликом на текущие события в стране и в мире.

в челябинск путин не приедет
сказали утром в новостях
рабочие с дорог снимают
вчера уложенный асфальт

© Яктяня

Философские пирожки содержат размышления или комическое осмысление онтологических проблем. Особо выделяется в них тема смерти. При этом финал человеческой жизни может осмысляться как в пародийно-сниженном, так и в возвышенном ключе:

достала господу старуха
глядит костлявая насквозь
и переспрашивает глухо
каво съ.

© mekch-mat

Нужно сказать, что классификация пирожков не является строгой. Достаточно часто эти стихи находятся на грани, например,

между философией и сатирой. Также можно выделить группы пирожков о любви, браке, работе и т. д. Соответствующие подборки размещаются в сети интернет.

Популярность пирожков во многом обусловила появление еще одного стихотворного жанра сетевой поэзии — депресняшек.

Депресняшки появились в интернете совсем недавно. Это короткое стихотворение: катрен, написанный трехстопным хореем, вторая и четвертая строки рифмуются. Знаки препинания и заглавные буквы отсутствуют, дефисы и цифры запрещены. Сюжетом является человеческое горе:

посмотрю с любовью
в милые глаза
заверну в платочек
положу назад
© Михаил Гаевский

Таким образом, депресняшки — это рифмованное проявление *черного юмора*⁴⁸ и в них прослеживается явная параллель с садистскими стишками. М. Лурье⁴⁹ подчеркивает, что *садистские стишки* уникальны тем, что бытуют одновременно во взрослом и детском фольклоре. Взрослое происхождение садистских стишков остается несомненным фактом для всех исследователей, в детскую среду они «спустились» к 1980 г.

Объясняя колоссальную популярность и продуктивность этих коротких жутковато-смешных текстов, исследователи в основном сходятся на том, что садистский стишок — жанр «альтернативного фольклора» позднесоветской эпохи, ведущей интенцией которого является ироническое снижение, осуществляемое посредством

⁴⁸ Борисов С. Б. Эстетика «черного юмора» в российской традиции [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov7.htm> (дата обращения: 10.10.2016).

⁴⁹ Лурье М. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2006. № 6. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/03/1271947598/06_07_lurie_k.pdf (дата обращения: 10.10.2016).

гротескных образов, ситуаций и интонаций черного юмора. Гротескное осмысление жизни характерно и для депресняшек.

Интересно, что сами авторы депресняшек соотносят жанр не с садистскими стишками, а с *хокку*. В частности, для этих текстов важной становится сезонность. При этом при анализе подборок «лучшего» с июня 2015 по февраль 2016 г. выяснилось, что сезонность, вопреки требованию, проявляется в этом жанре очень пунктирно. По сути, сезонность актуализируется только в нескольких месяцах — в январе, феврале и в сентябре. Каждый раз при этом есть четкие временные маркеры, вокруг которых текст и строится: школа, новый год или день святого Валентина.

день влюбленных праздную
с рюмочкой вина
я в себя родимую
крепко влюблена
© esty

наколи мне кольщик
на моей спине
жёлтый колокольчик
что звонит по мне
© Вороныч

Изначально доминирующей темой этого жанра была смерть, часто самоубийство. Постепенно к этой теме добавились другие: одиночество, несчастная любовь и т. д., — которые также могут быть поводами для депрессии.

Примерно через полгода функционирования жанра в интернете появились уже откровенно недепрессивные тексты, но написанные в той же ритмической манере. Депресняшки, как и пирожки, начинают реагировать на актуальные новости, повседневный абсурд, играть с прецедентными текстами.

тётя из газпрома
с тряпкой и совком
носит лабутены
с шерстяным носком
© Honda

будит ежедневно
радостная трель
в этом мире вечны
лишь сосед и дрель
© Мартиша

Можно предположить, что изначально вдохновение авторы депресняшек черпали в детских садистских стишках: рифмованная форма, жутковато-смешная история. Выбранная стихотворная форма, хотя и не повторяет ритмически садистский стишок, но также явно ориентирована на активное распространение. По мере приобретения жанром популярности основная тема — смерть — стала отступать. Теперь депресняшки — забавные стихотворения с налетом черного юмора.

ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте 2–3 пирожка и 2–3 депресняшки. За счет чего создается комизм ситуации? С какими жанрами поэзии можно сравнить эти стишки? Назовите сходства и отличия.

2. Попробуйте выбрать какую-либо тему и найти примеры, развивающие ее, в каждом малом жанре. Проанализируйте полученный сопоставительный материал.

3. Насколько активно малые жанры реагируют на новостную повестку? Проследите, как резонансные новостные сюжеты отражаются в разных жанрах интернетлора.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адоньева С. Б. Прагматика частушки / С. Б. Адоньева // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 156–178.

Белоусов А. Ф. Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «садистских стишков» / А. Ф. Белоусов // Лотмановский сборник — 1 / ред.-сост. Е. В. Пермяков. М. : ИЦ-Гарант, 1995. С. 681–691.

Борисов С. Б. Эстетика «черного юмора» в российской традиции / С. Б. Борисов // Фольклор и постфольклор: структура, типология,

семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov7.htm> (дата обращения: 10.10.2016).

Дымарский М. Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности [Электронный ресурс] / М. Я. Дымарский // *Жанры речи*. Вып. 8 : Жанр и творчество / редкол. В. М. Алпатов, Л. В. Балашова, В. Е. Гольдин и др. Саратов : Лабиринт, 2012. С. 385–390. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-8> (дата обращения: 07.10.2015)

Зырянов И. В. Поэтика русской частушки / И. В. Зырянов. Пермь : [б. и.], 1974. 173 с.

Клемят Л. Е. Новое в интернет-поэзии XXI века: стихи-«пирожки» как явление постмодернизма / Л. Е. Клемят // *Scripta manent*. 2014. № 20. С. 81–87.

Лурье М. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое [Электронный ресурс] / М. Лурье // *Антропологический форум*. 2006. № 6. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/03/1271947598/06_07_lurie_k.pdf (дата обращения: 10.10.2016).

Петренко С. Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы / С. Н. Петренко // *Изв. ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения*. 2014. Вып. № 2 (87). С. 145–149.

Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой [Электронный ресурс] / С. Н. Петренко // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2014. № 7 (92). С. 129–135. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pirozhki-i-poroshki-setevaya-poeziya-mezhdu-folklorom-i-literaturoy> (дата обращения: 06.10.2016).

Петрова А. Частушка и садистский стишок: память жанра. Вербальное, виртуальное, визуальное [Электронный ресурс] / А. Петрова // *Антропологический форум*. 2009. № 11. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_10_petrova.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Соковнина В. В. Лингвокреативность взрослого мира: игры в «социальной сети» / В. В. Соковнина // *Психолингвистика в образовании*. 2014. № 2. С. 96–100.

Хоруженко Т. И. Пирожки как жанр интернетлора / Т. И. Хоруженко // *Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре : сб. материалов VIII Всерос. конф. с междунар. участием (10–11 декабря 2015 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова*. Челябин. гос. пед. ун-т. Челябинск : Энциклопедия, 2015. С. 66–70.

7. ЭПИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Память о Великой Отечественной войне: функции эпоса сегодня

Занятие-коллоквиум

Под *символической политикой* понимается деятельность политических *акторов*, направленная на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности. Символическая политика является важным элементом политической сферы, в которой различные акторы оперируют большим количеством символов, используя старые, иногда перекодируя их или же создавая новые. Функции символической политики многообразны, но основная заключается в легитимации власти. Как отметили П. Бергер и Т. Лукман⁵⁰, легитимация как способ «объяснения» и «оправдания» представляет собой многоуровневый процесс.

Эффективная символическая политика предполагает использование различных ресурсов. Всякая власть, в большей или меньшей степени, использует *ресурс истории*, апеллируя к коллективной памяти или «изобретая» прошлое; тем самым символическая политика приобретает историческое измерение. Другим чрезвычайно востребованным ресурсом является ресурс *национализма*.

Символическая политика имеет и *гендерное измерение* — в той степени, в какой, во-первых, использует гендерный дискурс и, во-вторых, оказывает влияние на гендерные отношения. Так, апелляция к военному прошлому, создание «мест памяти», как правило, становятся факторами поддержания гендерного порядка, укрепляя традиционные гендерные стереотипы мужчины как воина и защитника и женщины как жертвы. В качестве символов

⁵⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М. : Academia-Центр : Медиум, 1995. 323 с.

выступают, к примеру, образы мужественности и женственности, мужские и женские аллегории нации, которые не только включаются в национальную мифологию, но и активно используются в политической коммуникации.

Символическая политика нынешней власти, об эффективности которой свидетельствует ее широкая поддержка, использует, помимо исторического, геополитического, военного, конфессионального, и гендерный ресурс. При этом гедонистическая гламурность занимает не последнее место в гендерных образах и символах нынешней власти. Однако гегемонным дискурсом, согласно исследованиям Т. Б. и О. В. Рябовых, является процесс, обозначаемый как *ремаскулинизация* России; он имеет несколько измерений, среди которых в качестве важнейших выступают наделение образа страны маскулинными коннотациями, демаскулинизация «чужих», создание привлекательных моделей национальной маскулинности.

Политическая мифология — мифология, не отражающая реальность и не объясняющая ее; она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. Она проста, понятна, оперирует визуально представимыми образами, апеллируя не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, к личному психологическому опыту, становясь важнейшим средством консолидации общества.

ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте современное восприятие Великой Отечественной войны (материалы СМИ, форму празднования Дня Победы, общественную реакцию на попытки осмысления истории ВОВ, праздничную атрибутику и др.).

2. Проанализируйте акцию «Бессмертный полк». В чем, с Вашей точки зрения, ее ценность? Принимали ли члены Вашей семьи или Ваши друзья в ней участие? Какие чувства они переживали, как рассказывали о событии? Можно ли рассматривать эту акцию как новую форму культа предков? Обоснуйте свое мнение.

3. Обратитесь к своей семейной истории. Есть ли среди Ваших родственников участники ВОВ? Что Вы о них знаете? Как сложились

их судьбы? Рассказывали ли они о своем участии в войне? Кому и как? Каким образом в семье сохраняется память о них?

4. Проанализируйте мировой опыт сохранения и транслирования памяти по погибшим. Как в разных странах увековечивают память солдат, погибших в мировых войнах? Приведите примеры.

5. Проанализируйте реакцию российской и зарубежной прессы на празднование Дня Победы. Какие концепты актуализируются в том и в другом случае? Почему?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Academia-Центр : Медиум, 1995. 323 с.

Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы [Электронный ресурс] / М. Габович // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/9g.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Грамотчикова Н. Б. «У нас война началась в июне»: мемораты фольклорного архива УрФУ как свидетельства «народной истории» / Н. Б. Грамотчикова // Седьмые Чупинские краеведческие чтения : материалы конф. (Екатеринбург, 18–19 февраля 2014 г.) / сост. Т. А. Колосова ; ред. Е. Н. Ефремова. Екатеринбург, 2014. С. 83–89.

Мостицкая Н. Д. Праздник как моделирование процесса формирования культурной идентичности личности [Электронный ресурс] / Н. Д. Мостицкая // Аналитика культурологии : электрон. науч. изд-во : [сайт]. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/2100-праздник-как-моделирование-процесса-формирования-культурной-идентичности-личности.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов // Мифы и мифология в современной России. М. : АИРО-XX, 2000. С. 17–38.

Рябов О. В. «Отстоим Волгу-матушку!»: материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы / О. В. Рябов // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 11–27.

Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс] / А. Л. Топорков // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

8. КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В последние годы социальные сети наполнены сообществами (пабликами), в названии которых есть слово «типичный»: «Типичный студент», «Типичный милитарист», «Типичный Екатеринбург», «Типичный Норильск» и т. д. Цель этих пабликов — сконструировать профессиональную, региональную, социальную идентичность их подписчиков. По сути, это еще один способ найти «своих» в мире «чужих».

Мы рассмотрим сообщество «Типичный Екатеринбург» (далее — ТЕ) в социальной сети «ВКонтакте» в ракурсе конструирования *локальной идентичности*, т. е. эмоционального переживания сопричастности данному городу. В него входят почти 365 тысяч подписчиков, большая часть которых — жители города. Паблик позиционируется как основная площадка для общения горожан. Контент, размещаемый в этом паблике, можно разделить на три группы:

1) новости города — в эту группу входят как сообщения СМИ, так и информация, присылаемая самими подписчиками;

2) интернет-мемы — развлекательные сообщения и картинки, посвященные неким универсальным ситуациям (протеканию рабочей недели, выходным, отпуску и т. д.);

3) локальные мемы — картинки или фотографии с подписями, которые почти всегда отражают «локальное знание в виде шутки»⁵¹.

Именно локальные мемы и представляют наибольший интерес при описании идентичности екатеринбуржцев. Исследователи уточняют, что локальная идентичность как общее чувство сопричастности может реализовываться через идентификацию

⁵¹ См.: Мамзикова М. Интернет-мемы «Типичного Норильска»: производство, тематика, потребление // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. / сост. Н. Кургузова, М. Алексеевский. Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2016. С. 23–24.

с отдельными элементами⁵². Для ТЕ характерна идентификация с особенностями ландшафта и климата: в осенне-зимний период лейтмотивом многих записей становятся жалобы на грязь или снег, в весенне-летний период — на жару или дожди.

Идентификация со значимыми культурно-историческими событиями происходит перед каждым государственным праздником (особенно активно перед 9 мая и Новым годом), но в данном случае уместнее говорить об актуализации национальной или региональной идентичности. Если выделять специфические местные праздники, то таковым станет День города.

Важным способом идентификации становятся представления о коллективном поведении. В частности, в августе 2016 г. в паблике активно обсуждали необходимость греть кастрюли воды в связи с сезонными опрессовками. Картинки с кастрюлями и шутки об этом повторялись ежедневно первые две недели августа.

Важное место в паблике занимают пейзажи Екатеринбурга. При этом для презентации выбираются официальные, «открыточные» места: набережная городского пруда, Екатеринбург-Сити, площадь Труда, Плотинка, городская администрация, а также новые районы (например, Академический). Пейзажи городских окраин можно увидеть только при иллюстрации шуток о районах. Таким образом, символический центр Екатеринбурга практически полностью совпадает с центром реальным.

Ритуалом воспроизведения коллективной идентичности можно считать рубрики «Доброе утро, Екатеринбург» и «Ночной флуд», которые представляют собой свободную площадку для общения горожан. При этом пост всегда сопровождается видом города, что и подчеркивает локальную идентичность комментаторов.

Итак, паблик «Типичный Екатеринбург» выполняет сразу две функции для горожан: во-первых, предоставляет актуальную информацию о городе; во-вторых, позволяет почувствовать себя неким единым сообществом.

⁵² Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы [Электронный ресурс] // Политэкс : [сайт]. URL: <http://www.politex.info/content/view/509/30/> (дата обращения: 06.10.2016).

ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте образ одного из районов города. Какие культурные мифы с ним связаны? Как район воспринимается местными жителями? Представлен ли район в социальных сетях (мемы, стихи, песни и т. д.)?
2. Возьмите интервью у 2–3 жителей района; поговорите об истории района, его жителях, значимых для них местах. Сопоставьте их рассказы с контентом паблика, опишите отличия.
3. Как в интернет-пространстве представлены городские легенды? Проследите за функционированием городских легенд в сети: где и при каких условиях они размещаются, как на них реагируют другие пользователи, и т. д.
4. Сделайте обзор отечественных и зарубежных исследований, касающихся брендинга и туристического продвижения образов городов. Представьте свой проект туристического продвижения родного города.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметова М. Пространство города и город в пространстве (интернет-тексты «Вы из N, если...») [Электронный ресурс] / М. Ахметова // Антропологический форум. 2011. № 15-Online. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-goroda-i-gorod-v-prostranstve-internet-teksty-vy-iz-n-esli> (дата обращения: 06.10.2016).

Истомин А. Г. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) [Электронный ресурс] / А. Г. Истомин, С. И. Лебедев // Социология и управление. 2015. № 2. С. 13–21. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-identichnost-zhiteley-goroda-belgoroda-po-materialam-kachestvennogo-issledovaniya> (дата обращения: 06.10.2016).

Момзикова М. Интернет-мемы «Типичного Норильска»: производство, тематика, потребление / М. Момзикова // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. / сост. Н. Кургузова, М. Алексеевский. Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2016. С. 23–24.

Морозова Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы [Электронный ресурс] / Е. В. Морозова, Е. В. Улько // Политэкс : [сайт]. URL: <http://www.politex.info/content/view/509/30/> (дата обращения: 06.10.2016).

Прокофьева О. С. Постфольклор в контексте краеведения в малых населенных пунктах Северного Приуралья / О. С. Прокофьева // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 274–280.

Шишигин А. В. Территориальные идентичности в XXI веке: состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] / А. В. Шишигин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27). Ч. 1. С. 210–213. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_1-1_54.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

ПЕРЕЧЕНЬ КОНТРОЛЬНЫХ ВОПРОСОВ

1. Фольклор как основная система коммуникации в традиционной культуре. Национальное и локальное в фольклоре.
2. Основные жанры традиционного фольклора. Эволюция фольклорной системы жанров.
3. Постфольклор, интернетлор, фейклор, сетевой фольклор и другие термины, описывающие изменения коммуникативного пространства.
4. Мифологическое мышление: основные признаки, характеристика.
5. Время и пространство в мифологическом мышлении. Мифологема «золотого века» применительно к сегодняшней реальности.
6. Интерпретация понятия «миф» в науке и культуре XIX–XXI вв.
7. Основные оппозиции в конструировании мироустройства носителя мифологического сознания: «верх — низ», «мужское — женское», «свое — чужое» и др. и их представленность в современном медиапространстве.
8. Проявление оппозиции «свое — чужое» в малых жанрах интернетлора, анекдотах и текстах сетевой коммуникации.
9. Стереотипы современной культуры в интернет-пространстве.
10. Дискурсивная характеристика некоторых интернет-сообществ: форумов, субкультурных сообществ и др.
11. Характеристика одного из жанров современного интернетлора.
12. Актуальные современные магические практики и их жизнь в сетевом пространстве (заговоры, обереги, снятие порчи и др.).
13. Образ ведьмы в фольклоре, литературе и постфольклоре. Изменения представлений о ведьме в XXI в.

14. Эзотерика и неоязычество как пример неомифологического мышления. Характеристика любого эзотерического течения, представленного в интернет-пространстве. Проблема реконструкции языческих верований.

15. Вирусные письма и «письма счастья»: природа распространения в интернете, значение и функции.

16. Визуальная составляющая интернет-пространства: мемы и фотожабы. Способы конструирования и эволюция мемов.

17. Аватарки и статусы как ведущий инструмент самоидентификации в интернет-сообществах.

18. Новости и слухи: особенности интернет-аудитории.

19. Сопоставительный анализ аудитории и контента популярных социальных сетей (на примере любых двух). Популярные персонажи: сходства и различия.

20. «Символический капитал» места: репрезентация в интернет-пространстве. Востребованность фольклорной составляющей.

21. Этническое как бренд в медиасфере и интернет-пространстве.

22. Образ правителя в интернете: способы конструирования сетевой личности национального лидера.

23. Городские пространства в системе мифологических координат (на примере родного города).

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная литература

Каргин А. С. Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности / А. С. Каргин, А. В. Костина. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2007. 200 с.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. М. : Мир, 2012. 336 с. (или другое издание).

Мифологии древнего мира / пер. с англ. ; отв. ред. В. А. Якобсон ; предисл. И. М. Дьяконова. М. : ГРВЛ-Наука, 1977. 455 с. ; М. : Азбука-классика, 2005.

Мифы и религии мира : учеб. пособие / [сост. С. Ю. Неклюдов]. М. : РГГУ, 2004. 427 с.

Новик Е. С. Фольклор — обряд — верования: опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры [Электронный ресурс] / Е. С. Новик // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik2.htm> (дата обращения: 06.10.2016).

Современная российская мифология / М. В. Ахметова. М. : РГГУ, 2005. 285 с.

Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. 736 с.

Дополнительная литература

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Амфора, 2004. 312 с.

Алексеевский М. Д. Анекдоты от Зюганова: фольклор в современной политической борьбе / М. Д. Алексеевский // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1–36.

Алексеевский М. Д. «Возьми трубку и зажги мир...» (молодежное сообщество пранкеров в России) / М. Д. Алексеевский // Молодежные

субкультуры Москвы / сост. Д. В. Громов ; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М. : ИЭА РАН, 2009. С. 401–439.

Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) [Электронный ресурс] / М. Д. Алексеевский. URL: mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Архипова А. С. Фольклор на асфальте / А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов // Живая старина. 2007. № 3. С. 2–3.

Архипова А. С. Штирлиц подвел итоги... Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах / А. С. Архипова // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2007. С. 475–498.

Ахметова М. Пространство города и город в пространстве (интернет-тексты «Вы из N, если...») [Электронный ресурс] / М. Ахметова // Антропологический форум. 2011. № 15-Online. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-goroda-i-gorod-v-prostranstve-internet-teksty-vy-iz-n-esli> (дата обращения: 06.10.2016).

Интернет и фольклор : сб. ст. / А. С. Каргин. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. 320 с.

Кургузова Н. Механизмы порождения фольклорного текста в интернет-пространстве: традиции девичьего рукописного рассказа на форуме телепроекта «Звезды на льду» [Электронный ресурс] / Н. Кургузова // Антропологический форум. 2013. № 18. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/18online/> (дата обращения: 06.10.2016).

Материалы конференции «Народная лингвистика» [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2014. № 21. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2014_21/ (дата обращения: 06.10.2016).

Наука и псевдонаука. Форум [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2013. № 18. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2013_18/ (дата обращения: 06.10.2016).

Научное знание в условиях Интернета. Форум [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2011. № 14. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014/14_forum.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

Неклюдов С. Ю. После фольклора / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города / С. Ю. Неклюдов // Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 5–24.

Новик Е. С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации / Е. С. Новик // Историко-этнографические исследования по фольклору : сб. ст. памяти Сергея Александровича Токарева / сост. В. Я. Петрухин. М. : Вост. лит., 1994. С. 110–163.

Петренко С. Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы / С. Н. Петренко // Изв. ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения. 2014. Вып. № 2 (87). С. 145–149.

Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) / В. Н. Прокофьев // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени / ред. В. Н. Прокофьев. М. : Наука, 1983. С. 6–28.

Радченко Д. Кросскультурная адаптация персонажей сетевого фольклора: от Гипножабы до Зойча [Электронный ресурс] / Д. Радченко // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 28–43. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/018online/radchenko.pdf> (дата обращения: 06.10.2016).

Радченко Д. Одно абсолютно счастливое письмо: к вопросу о распространении фольклора в интернете / Д. Радченко // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 163–187.

Савченко А. В. Философско-антропологические основания интернет-фольклора как формы коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Савченко, Т. И. Сулова // Credo-New : теор. журн. URL: <http://credonew.ru/content/view/777/33/> (дата обращения: 06.10.2016).

Сулова Т. И. Интернет-фольклор как возможность сетевой культурной самоидентификации [Электронный ресурс] / Т. И. Сулова, А. В. Савченко // Connect-universum : [сайт]. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2012_ru/22.html (дата обращения: 06.10.2016).

Ферапонтов И. Е. Зарубежная фольклористика о современных городских легендах / И. Е. Ферапонтов // Живая старина. 2002. № 2. С. 18–22.

Ягунова Е. Новая политическая реальность в текстах СМИ и в сознании носителей языка / Е. Ягунова, Л. Пивоварова, И. Крылова, О. Макарова // «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов / А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту : ЭЛМ, 2014. С. 277–293.

Net-log : антология сетевого фольклора : [сайт]. URL: <http://www.netlore.ru/category/community-theme/rating/desc/11> (дата обращения: 06.10.2016).

Учебное издание

Граматчикова Наталья Борисовна
Хоруженко Татьяна Игоревна

ПОСТФОЛЬКЛОР И ИНТЕРНЕТЛОР

Учебно-методическое пособие

Заведующий редакцией	<i>М. А. Овечкина</i>
Редактор	<i>А. А. Макарова</i>
Корректор	<i>А. А. Макарова</i>
Оригинал-макет	<i>Л. А. Хухаревой</i>

План выпуска 2017 г. Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 3,72.
Уч.-изд. л. 3,3. Тираж 50 экз. Заказ 132

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28
E-mail: rio.marina.ovechkina@mail.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

